

Н. Н. Бартош
(Минск, Беларусь)

МЕСТО СТРУКТУРЫ «N + *IL Y A*» В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ БЫТИЙНОСТИ

Статья посвящена анализу малоизученной синтаксической структуры «N + *il y a*». Несмотря на особое коммуникативно-прагматическое назначение она сохраняет общую семантику бытийности за счет присутствия бытийной формулы *il y a*. Сравнение с традиционными личными и безличными бытийными предложениями позволило выявить ее промежуточный статус в системе средств выражения категории бытийности, определяемый как формально-бытийный.

Ключевые слова: категория бытийности, личные и безличные бытийные предложения, бытийная формула *il y a*, говорящий.

Основное предназначение широко распространенных во французском языке безличных предложений с предикатом, выраженным бытийной формулой *il y a* ‘есть, имеется’, состоит в первичном утверждении бытия предмета или его введении в речь, что закономерно предполагает конечную позицию именного компонента. Например: *Parmi tous les tigres, il y a des tigres blancs* ‘Среди всех тигров существуют (букв. есть) белые тигры’; *Dans ce zoo, il y a des tigres blancs* ‘В этом зоопарке есть белые тигры’. Однако наряду с традиционной бытийной структурой «*il y a* + N» также возможен и обратный порядок следования ее компонентов: «N + *il y a*» [1, p. 249–250]. При этом в препозиции, как и в постпозиции, лексическая наполняемость именного компонента достаточно разнообразна.

Ср.:

*La faute – si **faute il y a** – me paraît, à moi, bien légère!* ‘Его вина – если **вина имеется** – лично мне кажется очень незначительной!’ (G. Bernanos).

*Comme ça le studio, puisque **studio il y a**, reste libre pour quand j’ai une réunion de gens...* ‘Таким образом студия, поскольку **студия имеется**, остается свободной, когда у меня собираются люди...’ (J. Romain).

*Le jury le plus sévère – quand **jury il y a** – n’est pas toujours aussi libre qu’il conviendrait* ‘Самое строгое жюри – когда **жюри есть** – не всегда настолько свободно, как подобало бы’ (L. Edmée).

Анализ практического материала показал, что синтаксически структура «N + *il y a*» реализуется только в форме придаточного предложения, которое имеет вторичный – необязательный – характер, подтверждаемый возможностью его опущения без нарушения общего смысла основного высказывания. Однако при этом теряется важная прагматическая информация, что нарушает целостность восприятия представляемой ситуации с позиции самого говорящего. Придаточные предложения, включающие структуру

«N + *il y a*», используются говорящим намеренно и целенаправленно для выделения (благодаря порядку слов) прагматически значимого элемента высказывания, уже введенного эксплицитно или имплицитно предшествующим контекстом или коммуникативной ситуацией, а также для выражения персональной позиции к факту его существования (как правило, связанной с его достоверностью) и воздействия на адресата. Цель воздействия может быть разной: например, вызвать интерес к выделяемому компоненту высказывания, подчеркнуть его важность или, наоборот, зародить сомнение в его истинности, уместности и тем самым повлиять на восприятие адресатом информации, значимой для говорящего.

В то же время, несмотря на особое коммуникативно-прагматическое предназначение за счет присутствия формулы *il y a*, структура «N + *il y a*» сохраняет общую семантику бытийности ('N есть / имеется'), что закономерно вызывает вопрос о ее логико-семантическом статусе и соотносительности с другими средствами выражения данной категории.

С одной стороны, начальная позиция именного компонента, конечная позиция предиката и отсутствие локативного компонента (его наличие не требуется, поскольку не вводится новый предмет, требующий пространственно-временной локализации) сближают структуру «N + *il y a*» с классическими субъектно-предикатными личными бытийными предложениями типа *N est*; *N existe* 'N есть; N существует'. В этой связи А. Блинкенберг отмечает переход *il y a* от интродуктивной роли к более выраженному предикативному значению [2, р. 84], допуская, таким образом, возможность функционального уподобления *il y a* полнозначным глагольным предикатам *être* и *exister*. Однако полное признание данной точки зрения также означает, что основная смысловая и информационная нагрузка в рамках структуры «N + *il y a*» отводится безличному предикату *il y a*, за которым – наряду с *être* и *exister* – следовало бы признать способность выражать «экзистенциальный признак» предмета, т.е. сообщать о его реальности как таковой, но фактический материал исследования это не подтверждает.

Ср. следующий отрывок:

Je n'avais jamais relu ce premier tome, autrement que partiellement <...>. Me voici rassuré, si j'en avais besoin: l'œuvre, si œuvre il y a et œuvre il y a, existe 'До сих пор я никогда не перечитывал первый том, разве что частями <...>. И вот я успокоен, раз уж в этом я нуждался: **труд, если труд есть, а труд есть, существует**' (С. Mauriac), где автор, говоря об одном и том же предмете, прибегает одновременно и к структуре «N + *il y a*», и к предложению с глаголом *exister* в личной форме, разграничивая их логико-функциональное предназначение. Мысль о реальности предмета (литературный труд завершен и обладает «признаком существования в действительности») актуализируется при помощи полнозначного предиката *существовать* (*l'œuvre existe* 'труд существует'). А придаточное предложение *si œuvre il y a et œuvre il*

у а ('если труд есть, а труд есть') имеет иное предназначение: выделяя слово *œuvre*, говорящий акцентирует его значимость для представляемого положения дел, а также передает свои внутренние субъективные переживания, касающиеся уверенности в успешном окончании данной работы, чему способствует наличие подчинительного союза *si* в его первичном гипотетическом значении.

Таким образом, в отличие от предложений с личными бытийными глаголами, в информационном фокусе структуры «N + *il у а*» остается бытующий предмет, а формуле *il у а* в большей степени отводится роль предикатной «опоры», необходимой для построения синтаксически законченного предложения. В этой связи имеется основание говорить о *формально-предикативной функции* бытийной формулы *il у а*. Определение «формально» подчеркивает, что речь идет только о ее поверхностном уподоблении полнозначным личным предикатам в силу отсутствия способности полноценно выражать экзистенциальный признак предмета.

В то же время в рамках анализируемой структуры формула *il у а* сохраняет способность к интродукции, т.е. введению новой для адресата информации. При этом ее новизна связана не столько с бытующим предметом как таковым, хотя в ряде случаев он может соотноситься с еще не существующим в реальности (т. е. потенциально «новым» объектом, лицом или явлением). Новизна содержащейся в структуре «N + *il у а*» информации обеспечивается, в первую очередь, наличием эмфазы: выделяемый элемент ситуации представляется для адресата с новой позиции, отражающей точку зрения говорящего. В этой связи можно говорить о *формально-интродуктивной функции* *il у а*. Определение «формально» указывает на ее условный характер: традиционная интродукция заключается в первичном введении предмета с целью его последующего употребления в речи, что, как было показано, не соответствует основному предназначению структуры «N + *il у а*».

Оба вида бытийных отношений – субъектно-предикатный и интродуктивный – совмещаются в синтаксической семантике структуры «N + *il у а*» в нерасчлененном виде, поэтому представляется возможным говорить о ее синкретичном характере. В зависимости от прагматических установок говорящего и характера сообщаемой информации одна из функций *il у а* – формально-предикативная или формально-интродуктивная – может представляться «доминирующей», не исключая при этом двойственности всей структуры.

Таким образом, структура «N + *il у а*» имеет особое – промежуточное – положение внутри парадигмы основных средств выражения бытийности французского языка. По своей функциональной специфике она отличается как от личных, так и от классических безличных бытийных предложений. Структура «N + *il у а*» не используется для традиционного описания объективной (или вымышленной) действительности с точки зрения существования и наличия в ней различных объектов, живых существ и явлений или выражения

их экзистенциальных признаков. Ее актуальный смысл создается не только «буквальным» значением составляющих ее компонентов, а в значительной степени предопределяется целевыми установками говорящего, что в совокупности дает основание определять ее статус как формально-бытийной. Как и в случае классической бытийной структуры «*il y a* + N», информационным центром формально-бытийной структуры «N + *il y a*» является именной компонент. Однако если в первом случае он становится им автоматически в силу своей новизны для адресата и конечной (рематической) позиции, в формально-бытийной структуре вынесение именного компонента в информационный фокус определяется его прагматической значимостью с позиции говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grevisse, M. Le Bon Usage / M. Grevisse, A. Goosse. – 16e éd. – Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. – 1760 p.*
2. *Blinkenberg, A. L'ordre des mots en français moderne / A. Blinkenberg. – Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1928. – 241 p.*

The article is devoted to the analysis of the specific syntactic French structures with a noun preceding the existential formula *il y a*. Its comparison with traditional personal and impersonal existential sentences allowed to reveal its intermediate status in the system of means of expressing the category of existence which is defined as formally existential.

А. А. Биюмена, Е. П. Моссэ
(Минск, Беларусь)

РЫТМІЧНЫЯ АНАМАЛІІ Ў ПАЭТЫЧНЫМ ТЭКСЦЕ

Артыкул прысвечаны рэалізацыі анамаліі ў сістэме рытму паэтычнага тэксту. Авятляюцца знакавая прырода рытмічнай анамаліі, яе ўзаемадачынненні з метрычным канонам, аналізуецца стылістычны і інфармацыйны патэнцыял парушэнняў рытму ў вершы. У межах даследавання таксама ўздымаецца пытанне аб ролі эстэтыкі недасканалага ў сучасным культурным дыскурсе.

Ключевые слова: *паэтычны рытм, рытмічная анамалія, метр, інфармацыйная каштоўнасць, бінарная апазіцыя, рызома.*

Прадметам нашага даследавання з'яўляюцца анамаліі на ўзроўні рытмічнай арганізацыі паэтычнага тэксту. У адным з інтэрв'ю руская паэтка Вольга Седакова разважае аб кампазіцыйных канонах у паэзіі і аб адыходзе ад іх на прыкладзе аднаго свайго радка: «Скажем, в первой строке: *Неужели, Мария, только рамы скрипят...* – лишний безударный слог. Сделать эту